

4. Коммуникационная политика, включающая планирование и реализацию комплекса средств установления и поддержки взаимоотношений с потенциальными потребителями с целью формирования положительного имиджа предприятия и стимулирования покупок.

Для ее более эффективной реализации следует активизировать использование следующих действенных инструментов коммуникаций:

- рекламы (активное рекламирование выпускаемой продукции в местных СМИ, рекламу у мест продажи, наружную рекламу, рекламные ролики на телевидении, участие в выставках, ярмарках);
- связей с общественностью;
- прямого маркетинга, предполагающего продажи по телефону (менеджеры компании обзванивают клиентов для установления партнерских отношений и получения заявок на отгрузку продукции), фирменную торговлю в фирменных магазинах комбината.

Заключение. Маркетинговая деятельность производственного унитарного предприятия «Витебский комбинат хлебопродуктов» должна быть нацелена на удержание позиций данной промышленной организации на уже освоенных рынках и завоевание новых. Этому будет способствовать разработка маркетинговой программы, позволяющая решать три основные задачи:

1. Определение объема выпуска новой и усовершенствование имеющейся продукции в натуральном и стоимостном выражении на текущий и перспективный период.
2. Более аргументированный выбор целевого рынка и конечного потребителя с учётом их требований и потребностей в продукции комбината.
3. Сопоставление издержек производства, цены и прибыли по каждому конкретному продукту, входящему в ассортимент производимой комбинатом продукции, позволяющее сосредоточиться на производстве наиболее рентабельных и конкурентоспособных товаров.

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: решение Всебелорусского народного собрания: 25 апреля 2024 г. № 5 – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024. – 64 с.

2. Статистический ежегодник Витебской области, 2025: статистический сборник. – Витебск: Главное статистическое управление Витебской области, 2025. – 467 с.

3. Трацевская, Л.Ф. Роль имиджа региона в реализации его внешнеэкономической стратегии: Витебская область Республики Беларусь / Л.Ф. Трацевская // Социально-экономическое развитие Республики Беларусь: правовые, социальные и финансово-экономические аспекты: монография / В.В. Богатырева [и др.]; под общ. ред. И.И. Шматкова, Э.В. Павлыша, Д.Н. Николичева. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – С. 68-75. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/28590> (дата обращения: 18.12.2025).

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПОНЯТИЕ, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМАТИКА

*И.И. Шматков, Е.А. Бельченко
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

В современном мире возрастающая роль искусственного является неоспоримой. С каждым годом искусственный интеллект начинают всё больше проникать в различные области жизни человека: обработка данных, автоматизация различных процессов и производства, социальные и экономические аспекты. Однако с увеличением роли такого искусственного интеллекта возникают новые риски для прав, свобод и законных интересов человека.

Актуальность темы обусловлено большими пробелами в законодательстве регулированием искусственного интеллекта. Цель исследования – изучение комплексных

правовых аспектов феномена искусственного интеллекта и предложения создание нормативной среды для дальнейшего его развития.

Материал и методы. Исследование основано на анализе научных публикаций по теме, действующего законодательства зарубежных стран, международных договоров. В качестве методов использованы общие методы: индукция, дедукция, анализ, синтез, а также частнонаучные методы: сравнительно-правовой метод, метод толкования правовых норм, формально-юридический метод и др.

Результаты и их обсуждение. Развитие понятия искусственного интеллекта имеет относительно недолгую историю. Собственно термин «искусственный интеллект» был введен в широкое обращение Джоном Маккарти в 1956 году на первой научной конференции, посвященной данной теме [1, с. 26].

В настоящий момент стоит отметить, что не существует универсального и общепринятого понятия искусственного интеллекта (далее – ИИ). Связано это с тем, что ИИ постоянно развивается, что делает его терминологически сложным и крайне многогранным понятием [2, с. 30]. Определение понятия искусственного интеллекта во многих источниках сводится к тому, что искусственный интеллект (ИИ) – это способность технического устройства или робота, управляемого компьютерной системой, выполнять задачи, подлежащие решению рациональным человеческим интеллектом. Такие устройства или системы должны обладать свойствами, характерными человеческому разуму – способность мыслить, рассуждать, принимать решение, делать выбор и получать опыт на основе проделанной работы [3, с. 50].

Для Республики Беларусь направление ИИ является одним из приоритетных [4]. Отправной точкой в попытке регулирования ИИ-отрасли предприняты в Декрете Президента Республики Беларусь № 8 от 21 декабря 2017 г. «О развитии цифровой экономики», согласно которому ИИ был отнесён к 6 технологическому укладу. В указе Президента «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026–2030 годы» ИИ был выделен для первоочередной реализации и приоритетным направлением научной, научно-технической и инновационной деятельностью [5]. В отечественном законодательстве до сих пор дефиниция термина «искусственный интеллект» отсутствует [6, с. 103].

В зарубежных законодательствах таких как Великобритания и США придерживаются «мягкого регулирования», делая акцент на стимулировании инноваций через гибкие принципы и рекомендации, а не жесткие законы. Европейский Союз, напротив, продвигает «жесткое регулирование», вводя обязательные классификации рисков и требования к прозрачности и безопасности через «Акт об искусственном интеллекте». Китай предлагает «нейтральную» или сбалансированную модель, что отражено во «Временных мерах», которые одинаково ценят развитие и безопасность. Китайский подход использует классифицированный и иерархический надзор, заимствуя элементы из практики ЕС, но ослабляя некоторые первоначально планировавшиеся строгие обязанности провайдеров. Регулирование в Китае направлено на публичные сервисы, оставляя пространство для внутренних корпоративных разработок. Институт сравнительного правоведения при Китайском политико-правовом университете отмечает, что США начинают осознавать риски ИИ и проявляют тенденцию к заимствованию некоторых европейских регуляторных принципов, хотя пока на уровне рекомендаций [7, с. 251-260].

Однако столь стремительная эволюция технологий искусственного интеллекта уже привела к ситуации, когда ИИ регулирует те или иные будь то общественные отношения, будь то различных технологические процессы, от которых зависит судьба человека. Модель на базе искусственного интеллекта будет использоваться в Албании в качестве «ИИ-министра». Премьер-министр Эди Рама заявил, что «ИИ-министр» будет

заниматься гостендерами, в рамках которых правительство заключает контракты с частными компаниями. В результате госзакупки будут якобы «защищены от коррупции» [8]. В 2016 году в США электромобиль Tesla Model S с включенным автопилотом «не заметил» белый прицеп на фоне яркого неба, из-за чего произошла авария [9].

Эти прецеденты дают почву для размышлений, можно ли говорить об правосубъектности таких роботов, и если да, то в каком размере. Какие должны быть особенности такой правосубъектности и каким образом она должны быть определена и охарактеризована?

Объектом или субъектом права выступает робот имеет дискуссионную природу.

Мнение российских учёных-правоведов за некоторым исключением едино. В своей работе «Может ли робот быть субъектом права?» Гаджиева Г.А. пишет, что правосубъектность роботов не может быть в правовой науке, однако допускает, что в будущем, по мере развития искусственного интеллекта может возникнуть потребности в признании юридической личности роботов, однако скорее, как новым объектом права [10, с. 36–46]. Горохова С.С. солидарна с Гаджиевым Г.А., считая, что признание в полной мере юридической ответственности на современном этапе развития технологического этапа является преждевременным [11, с. 28].

Однако в российском сообществе присутствует и альтернативное мнение. Согласно точке зрения В.Н. Черкасов [12], Ф.В. Ужов [13], правовой статус робота должен определяться исходя из его технических характеристик и целей использования. На этом основании предлагается два подхода: рассмотрение робота либо как обычного объекта права, либо как «электронного лица», обладающего полной правоспособностью. Другие авторы и исследователи отмечают, что как таковых различий в определении правового статуса робота и юридического лица – нет. Поскольку, по существу, правовой статус того и другого является юридической фикцией и реального собственного содержания не имеет [14, с. 22–24]. Идея наделения робота-агента статусом юридического лица находит своё обоснование в их принципиальной схожести: и то, и другое является искусственным, целенаправленно созданным для участия в правовых отношениях [15, с. 26].

Подобное мнение нашло отражение и в Проекте Международной модельной конвенции о робототехнике, авторами которой выступают А.В. Незнамов и В.Б. Наумов. В декабре 2016 г. в России была разработана концепция первого законопроекта о робототехнике. Это первый документ подобного рода. Он разработан не как окончательное решение, а как инструмент для запуска дискуссии о создании целостной законодательной системы для регулирования робототехники. На первом этапе разработки была намеренно применена ограниченная стратегия – внесение поправок исключительно в гражданское право. Эта предварительная, упрощённая модель служит основой для последующей дискуссии. Её итогом станет формирование развёрнутого законодательного пакета, ядром которого выступит отдельный закон о робототехнике, дополненный необходимыми изменениями в административное, информационное и другие отрасли законодательства. Законопроект концентрируется на чётком определении объектов и субъектов регулирования, а также на идентификации участников правоотношений.

В его основе лежит разграничение двух ключевых понятий:

1. «Простой робот» – понимается как техническое устройство, способное действовать, определять свои действия и оценивать их последствия на основе данных из внешней среды, без постоянного прямого контроля человека. Он рассматривается как элемент объекта регулирования.

2. «Робот-агент» – это робот, который по решению собственника и в силу своих конструктивных особенностей предназначен для участия в гражданском обороте. Ему предлагается наделить специальной правосубъектностью.

Между этими категориями устанавливается правовая связь: робот-агент является частным случаем робота, обособленным для целей гражданско-правовых отно-

шений. Такой агент обладает обособленным имуществом, которым отвечает по своим обязательствам, и может от своего имени приобретать права и нести обязанности [16, с. 49–51].

Что же касается западных коллег в этом вопросе, то в резолюции 2017 года “Нормы гражданского права о робототехнике” Европейского парламента упоминается о правосубъектности роботов только как по долгосрочной перспективе, относящейся исключительно к наиболее продвинутым и автономным роботам [17, с. 20]. В ходе обсуждения резолюции в феврале 2017 года член парламента, доктор философии и права Ж. Лебретон высказал принципиальное несогласие с идеей наделения роботов юридической личностью. Свою позицию он аргументировал двумя основными тезисами. Во-первых, это, по его мнению, приведёт к полной эрозии ответственности производителей и пользователей, чем незамедлительно воспользуются влиятельные промышленные лобби. Во-вторых, и это наиболее существенный аргумент, он, вслед за философом Ж. Маритеном, полагает, что человеческая личность обладает духовной сущностью – атрибутом, который принципиально недоступен искусственному интеллекту и делает любое сравнение некорректным [11, с. 37].

Заключение. Быстрое развитие ИИ и робототехники требует срочного правового регулирования. Центральный вопрос касается правового статуса роботов, будет ли им предоставлена правосубъектность, и если да, то в каком виде? Международный опыт указывает на два пути: осторожный подход (ЕС) и инновационный, предлагающий статус «робота-агента» (модельные проекты в России). Эти задачи имеют первостепенное значение для Республики Беларусь. Развитие национального ИИ-сектора требует активного создания правовой базы. Анализ международного опыта позволит Беларуси разработать адаптивное законодательство, минимизировать риски и обеспечить правовую определенность для технологического развития.

1. Морхат, П. М. К вопросу об определении понятия искусственного интеллекта / П. М. Морхат // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 12(156). – С. 25-32
2. Искусственный интеллект: понятие, признаки, классификации и способы разработки : сб. науч. ст / Рос. Эконом. Ун-т имени Г.В.Плеханова ; редкол. : Д.В.Ларчев(гл.ред). – Москва : ФГБУО, 2024. – 388 с.
3. Ефимова, С. А. Развитие искусственного интеллекта / С. А. Ефимова // Цифровая наука. – Новосибирск, 2020. – № 6. – С. 49-58.
4. Посещение выставки научных достижений «Беларусь интеллектуальная» [Электронный ресурс] // Офф. Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. (дата обращения: 01.12.2025) <https://etalonline.by/document/?regnum=PD1700008>
5. О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026-2030 годы : Указ Президента Респ. Беларусь от 1 апр.2025 №135 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.12.2025).
6. Ильина, Е. М. Государственная политика Республики Беларусь в сфере искусственного интеллекта / Е. М. Ильина // Актуальные проблемы взаимодействия политики и права: вызовы и тенденции : Материалы круглого стола кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 28 марта 2024 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2024. – С. 102-107.
7. Ли, Я. Нормативно-правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Европейском союзе и Китае / Я. Ли // Право. Журнал Высшей школы экономики. – Москва, 2023. – № 3. – С. 245-267.
8. Лежепекова, В. В. Албании назначили первого в мире «неподкупного ИИ-министра» / В. Лежепекова // РБК. URL : <https://www.rbc.ru/politics/11/09/2025/68c30edf9a7947eb7aea850b#:~:text=%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D>. – Дата публ.: 11.09.2025.
9. The Guardian. Tesla driver dies in first fatal crash while using autopilot mode // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/technology/2016/jun/30/tesla-autopilot-death-self-driving-car-elon-musk>. – Дата публ.: 30.06.2016.
10. Гаджиев, Г. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) / Г. А. Гаджиев, Е. А. Войниканис // Право. Журнал Высшей школы экономики. – Москва, 2018. – № 4. – С. 24-48.
11. Горохова, С. С. К вопросу о необходимости института правосубъектности искусственного интеллекта на современном этапе развития правового государства / С. С. Горохова // Правовое государство: теория и практика. – Москва, 2020. – № 3(61). – С. 23-33.
12. Черкасов, В. Н. Новый субъект права? / В. Н. Черкасов // Базис. – 2017. – № 1(1). – С. 41-44.
13. Ужов, Ф. В. Искусственный Интеллект как субъект права / Ф. В. Ужов // Пробелы в российском законодательстве. – Москва, 2017. – № 3. – С. 357-360.
14. Серова, О. А. Роботы как участники цифровой экономики: проблемы определения правовой природы / О. А. Серова // Гражданское право. – Калининград, 2018. – № 3. – С. 22-24.
15. Михалева, Е. С. Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники / Е. С. Михалева, Е. А. Шубина // Актуальные проблемы российского права. – Москва, 2019. – № 12(109). – С. 26-35.
16. Архипов, В. В. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике / В. В. Архипов, В. Б. Наумов // Труды СПИИРАН. – 2017. – № 6(55). – С. 46-62.
17. Резолюция Европарламента о Нормах гражданского права о робототехнике от 16 фев. 2017 г. // Европейский парламент. – URL: <https://robotrends.ru/pub/1725/normy-grazhdanskogo-prava-o-robototekhnike-i-hartiya-robototekhniki> (дата обращения: 12.01.2025)